

На вернисаже как-то раз...

Культура. - 1998. - 16-22 апр. - с. 13
Гала-концерт солистов Мариинской оперы

О пятиактной драме роковых страстей, смертей и страданий, привезенной в Москву Мариинским театром ("Летучий голландец" — "Хованщина" — "Катерина Измайлова" — "Парсифаль" — "Огненный ангел"), читайте в следующем номере. А сегодня нас интересует тот вечер из шести гастрольных, когда публика хлынула в открывшиеся двери "театрального фойе" — сушить свои носовые платки, оправляться от потрясений и жадно разглядывать портреты актеров, составляющих цвет этого театра. Словом, нас интересует музыкальный антракт под названием гала-концерт.

Он изумлял. Во-первых, колоссальными размерами. Шутка ли — "session" на пять часов, два десятка концертантов, не считая хора, оркестра и самого Гергиева, три отделения, посвященных соответственно французской, русской, итальянской оперной классике, обилие масштабных многофигурных сцен (в чем усматривается, скорее, страсть и вкус лидера Мариинки к драматургическим разворотам, чем желание предьявить как можно больше исполнителей). Но изумлял гала-концерт и кое-чем посущественнее. А именно: театр, о котором не один год говорили как о лучшем в стране собрании вокальных сил, вдруг представил пеструю, уязвимую и в целом маловыразительную команду.

Тут были те, у кого все в прошлом. Те, кто ничего не обещает в будущем. Было несколько козырных фигур, из которых, пожалуй, только одна-две имели звездный блеск (но это не Бородина с Горчаковой, которые не приехали — первая потому, что ждет ребенка, вторая по причине личных гастролей, и которые давно, выходя на мариинскую сцену один-два раза в сезон, уже не делают здесь погоды). При этом подозрений относительно того, не "припрятаны" ли для более важного случая настоящие яхонты-брильянты, не было — в конце апреля та же питерская команда почти в

полном составе едет в Метрополитен-опера... Москва недоумевала.

Обстоятельный разговор о секретах и парадоксах Гергиева царства, как уже говорилось, впереди. А пока — кое-какие констатации, отправляться без которых на выставку голосов из Мариинского — значит впустую переводить время. Первая — Гергиев мастер целого, и это целое, обладающее могучим воздействием, он, кажется, способен возводить из любых "материалов". Аргумент? Театр подрастерял старых звезд, с помощью которых подымался на Олимп, новых пока не приобрел, но его планка по-прежнему высока (читай: эту твердь держат не голосистые суперстар). Второе, о чем не стоит забывать: мы — в антракте, пусть и музыкальном. Главное о Мариинском театре на этих гастролях было сказано до него и после него. Ну а теперь — "То-ре-адор, сме-ле-э-э-э-е..."

Что полководец на белом коне, пронесется перед своим войском Гергиев в увертюре оперы "Кармен" (он же увертюра всего концерта). Да и для последующих оркестровых номеров выберет вещи, одну эффективнее другой: Ракоци-марш из берлиозовского "Осуждения Фауста". Половецкие пляски (грозная обольстительность которых превратится под его руками в откровенную демонстрацию силы). Словом — сталь и блеск. Рамка, достойная героев Доминго. Но вписываться в нее предстояло другим — воркующей Микаэле с приятным чистым голоском (Анна Нетребко), бедному Хозе, нещадно мучимому Юрием Марусиным, сухой Далиле, произведенной на свет замечательно выученной, но энергетически мало мощной Златой Бульчевой. Даже масштабный Владимир Огновенко со своими куплетами Мефистофеля здесь потерялся. Но если есть спринтеры и стайеры в спорте, есть они и в искусстве. Огновенко — определенно победитель на длинных дистанциях

(Москва вряд ли забудет его Хованского — что в нашумевшей недавней постановке Большого театра, что в показанном на этих гастролях спектакле Мариинского). А, к примеру, баритон Василий Герело — герой блица. Недаром его любят приглашать на сборные концерты. Всегда эффектен, обаятелен, просто-душно-лукав, словом, всегда, какую бы вещь ни исполнял, — немножко Фигаро (правда, собственноручно знаменитая каватина, которую Герело пел в гала, наверное, тысячный раз, выглядела уже совершенно заигранной пластинкой).

Старую пластинку с мелодиями из "Любовного напитка" крутил и Евгений Акимов, год назад поразивший сердца в обеих столицах своим Неморино. Романсу в его исполнении Москва аплодировала минут десять, какие страсти бушевали в северной Пальмире, сведений нет, но есть результат — Акимов перешел из маленького театра "Зеркаль" в императорский Мариинский. Вопрос — зачем здесь, где не культивируют изысканные розыны от Беллини, Доницетти, Россини, тенор-белканто? Вот его теперь и нет. На месте былого благородства — домашняя простота, на месте школы — форс... Право, закручивается драма не меньшая, чем в каком-нибудь "Голландце", — ускользающее счастье, горькие потери. Эту линию разовьет Валентина Цыдыпова, чье чудесное сопрано, кажется, вконец погублено чужеродным туманным климатом, и Константин Плужников, некогда прекрасный тенор, которого губят годы.

Кто может заменить их (ищем в заданных рамках, то есть на пространстве исключительно гала-концерта и, скорее, в смысле "интересности", чем в смысле тембрально-тесситурных аналогий)? Среди сопрано — это молодая Татьяна Павловская, памятная по "Игроку", блеснувшая на прошлогодней "Золотой маске". Тогда она пела Полину, теперь — Марию из

"Мазепы", партию не совсем свою, недаром Гергиев пригласил в первый состав из Москвы Гурякову. Но способность к созданию нетривиальных образов ясно читается и здесь (вообразите бедную панночку с честолюбием Марины Мнишек). А среди теноров...

В среде теноров, как всегда и как везде, проблемы. Единственный, на кого в Мариинском, кажется, делают главную ставку, живет далеко, в Ницце, и встречается с родным театром редко. В этом сезоне, к примеру, это случилось трижды — на питерской сцене в "Пиковой даме", на сцене Ла Скала по случаю совместной постановки "Хованщины" и сейчас, на сцене Большого. Речь о Гегаме Григоряне, вокально одаренном феноменально. Но отчаянное злоупотребление "веризмами" — вот что сегодня вредило и ему, и, разумеется, вердиевскому Альваро из "Силы судьбы", которого он пел в концерте. Стилевой сбой и не позволил ему стать вровень с той, которая в питерском гала являла собой труднодостижимый идеал. С Ларисой Дядьковой.

Странное она явление. Двадцать лет служила в Мариинском театре, а широкую известность обрела лишь недавно. По данным (большое, богатое меццо, хорошее нутро, выдающееся мастерство) — совершенная звезда. Но не хватает какой-то масти, без которой звездный титул к ней не пристает, а все просятся сравнения с верной и надежной рабочей лошадкой. Хорошо ли сравнение, плохо ли, но она, легко обойдя мнящих себя дорогими скакунами, и вытянула этот концерт (имена нескольких участников которого еще остались за рамками обзора по той причине, что одни составляли лишь компанию в ансамблях, другие же, которым повезло развернуться в полную мощь на спектаклях, станут героями следующей статьи о гастролях Мариинского театра).

Лариса ДОЛГАЧЕВА